

побѣдимъ самихъ себя,—тогда найдемъ выходъ на широкую дорогу братства, свободы и равенства.

Политические мудрецы возразятъ, что предлагаемое сложеніе оружія и отказъ отъ политическихъ насилий грозить дальнѣйшими «осложненіями» въ европейской семье народовъ.

На это можетъ быть данъ единый пріемлемый отвѣтъ: заслуга и счастье того, кто первый изъ убийцы превратился въ честнаго человѣка!

Слѣдуетъ глубоко вѣрить въ то, что на сложившаго оружіе не подымется рука «враговъ». (Замѣчательно, что тѣхъ, кто подставляеть свою «вторую щеку», не бьютъ, а тѣхъ, кто не исповѣдуютъ этой «рабской» морали, всегда бьются...). А если же она подымется, то опять таки можно дать единый отвѣтъ, достойный человѣка: если суждено умереть, то лучше умереть мученической смертью, съ чистыми руками, чѣмъ заливъ ихъ кровью насильниковъ. Мудрѣе — умереть съ полнымъ сознаніемъ своей нравственной силы и чистоты, чѣмъ остаться жить убийцей другихъ людей.

Левъ Толстой, этотъ великий столбникъ чистыхъ христианскихъ идей, сберегъ намъ евангельское слово — «любовь», которое живетъ въ нашемъ мірѣ, какъ чахлое растеніе, въ одинокомъ прозябаніи. Между тѣмъ,—какъ необходимо это слово виѣдрить въ человѣческій разумъ, который придумалъ всевозможные дредноуты и адскія машины, а не понялъ до сихъ поръ устройства иголки.

Не этика, не любовь, а «политика» самодовѣрѣтъ теперь надъ міромъ. Но—мы убѣждены—будетъ такое время, когда этой нынѣшней европейской политикой будетъ такъ же позорно заниматься, какъ сейчасъ позорно воровать и грабить.

И эту политику насилий и народнаго разврата мы тогда оставимъ, когда разрушимъ идею государства, когда сольемся всѣми народами въ единое человѣчество. До тѣхъ поръ, пока существуютъ государства, съ ихъ границами, пограничными стражами, съ частной собственностью, съ богатствомъ однихъ и бѣдностью другихъ, съ насилическими законами и націоналистическими расприями,—до тѣхъ поръ не будетъ свободы, равенства и братства, и нашу неправду, нашу соціальную несправедливость никакими временными переворотами и никакими большевизмами (заманчивыми и прекрасными въ своей философской структурѣ, но не оправдывающими всѣхъ замысловъ своей тактикой и пепрочными достижениями при помощи временной силы)—мы не убьемъ. Мы убьемъ ея организмъ, она будетъ жить, какъ сердце, какъ печень, какъ часть тѣла, какъ червякъ, разорванный пополамъ, но она не умретъ.

А жизнь требуетъ не преобразованій, но преображеній. И это возможно. Надо только слиться съ сознаніемъ религіозной необходимости братства и единенія въ подлинномъ и высшемъ смыслѣ этихъ словъ.

Правда сказана, что любовь — сильнѣе смерти, и для любви нѣть ничего невозможнаго. И мы должны понять, что «невозможное»—это то, что мы видимъ сейчасъ, противъ чего такъ боролся Л. Толстой, этотъ Свято-горь русскаго духа, идеи котораго наше будущее пріютить на своей многовѣковой груди.

Долгъ пониманія его взглядовъ, сознательное уясненіе ихъ жизненнаго значенія—все это на текущемъ счету у нашего общества. Л. Толстой,